ВРЕМЯ

№ 4 (135)
30 апреля 2026 г.
Издается с 2015 года

Информационно-просветительская газета.

Номер подготовлен при содействии Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, Свердловского регионального отделения НК ИКОМОС, Россия, Информационно-просветительского центра Всемирной Федерации АЦК ЮНЕСКО

«ИДЁМ В МУЗЕЙ!»

С 2022 года Центр инновационных музейных технологий Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е.Клера реализует проект «Идём в музей», направленный на привлечение старшеклассников и студентов к знакомству с музейным наследием уральского региона. В рамках проекта проводится конкурс литературных творческих работ, отражающих впечатления от посещения одного из музеев Свердловской области.

В этом номере газеты — истории о музеях Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Невьянска, Нижней Туры, Верхнего Тагила, поселка Мугай Алапаевского района. В каждой из них авторы увидели свою «изюминку» и рассказали об этом.

МАЛЕНЬКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА С БОЛЬШОЙ ИСТОРИЕЙ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ МАКЕТА В МУЗЕЕ «ДОМ ЧЕРЕПАНОВЫХ»



Нижний Тагил — город, пропитанный металлом и заводским духом. Здесь каждый камень напоминает о мощи уральской промышленности, но есть в этом суровом крае место, где время словно сжимается и превращается в игру. Это историко-технический музей «Дом Черепановых», где главным экспонатом, на мой взгляд, является даже не старинный инструмент или чертеж, а огромный, сложный и невероятно живой железнодорожный макет «Станция Уральская». Его изготовил В.Г.Токарев в 2010 г.

Переступаешь порог зала и сразу же слышишь тонкий, едва уловимый запах машинного масла, смешанный с ароматом нагретого пластика и эпоксидной смолы. Глаза разбегаются. Перед тобой — целый мир, застывший в миниатюре, но в то же время живущий своей жизнью.

Макет в Доме Черепановых — это не просто игрушечная железная дорога. Это дань уважения тем самым механикам-самоучкам, Ефиму и Мирону Черепановым, которые построили первый в России паровоз. Глядя на бегущие по рельсам составы, невольно думаешь: вот так же, наверное, более 180 лет назад тагильчане сбегались посмотреть на «диковинный пароход», который тащил за собой вагонетки с рудой.

Что же мы видим на макете? Это собирательный образ Урала и России конца XIX — начала XX века. Мастерство создателей поражает: здесь продумана каждая мелочь. Маленькие паровозики, пыхтя и выпуская дым (искусственный, конечно, но от этого не менее впечатляющий), тянут за собой длинные составы. Они проезжают через мосты, перестукивая колесами на стыках рельсов, ныряют в темные туннели, прорубленные в искусственных скалах, и останавливаются на полустанках.

Но самое удивительное — это окружение. Мир макета населен тысячами крошечных человечков. На перроне вокзала носильщики тащат чемоданы, дамы в длинных платьях прогуливаются под зонтиками, а машинист, высунувшись из окошка локомотива, внимательно смотрит на путь. Вдалеке пасутся крошечные коровки на зеленом лугу, а у лесной опушки стоит охотник с собакой. Где-то горит огонек в окне деревянного домика, кто-то колет дрова, а на деревенской церкви виден позолоченный купол.

Мы подолгу стояли у одного из фрагментов макета, наблюдая, как день сменяется ночью. Когда в зале приглушается свет, на макете загораются сотни крошечных огоньков: фонари на столбах, освещенные окна домов, сигнальные огни семафоров. Ночной поезд с одним ярким фонарем в голове состава выглядит особенно таинственно — он словно путешественник из прошлого, спешащий сквозь тьму навстречу утру.

Этот макет — больше, чем просто техническая игрушка. Это машина времени. Он позволяет нам, живущим в XXI веке, заглянуть в мир наших прадедов, почувствовать романтику железных дорог и восхититься гением уральских изобретателей. Здесь понимаешь, что история — это не только даты в учебнике, это живые люди, которые строили заводы, прокладывали пути и двигали прогресс.

Когда выходишь из Дома Черепановых на улицу, где гудят настоящие поезда, шумят настоящие заводы и спешат настоящие люди, чувствуешь какую-то особенную гордость. Гордость за свой город, где бережно хранят историю, создавая такие удивительные, живые миры. И маленький игрушечный состав все еще бежит по бесконечным рельсам в моей памяти, напоминая о том, что большие дела начинаются с мечты.

Шитов Алексей, 16 лет
Школа № 75/42,
г. Нижний Тагил

№ 4
30 апреля 2026 г.
ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

МУЗЕЙ БОРИСА ЕЛЬЦИНА

Обычно поездки с группой от университета воспринимаются как неизбежная рутина: автобус, экскурсия, галопом по музеям, стандартные фотографии и усталость к вечеру. Но когда в расписании появилась строчка: «выезд в Ельцин-Центр (Екатеринбург)», я вдруг поймал себя на странном волнении. Споры об этом месте не утихают с момента его открытия: одни называют его «храмом демократии», другие — «оружием пропаганды».

Дорога из Нижнего Тагила пролетела незаметно. Подъезжая к зданию центра, я обратил внимание, как органично оно вписывается в городской ландшафт. Огромное, из стекла и бетона, оно на набережной Исети не давит, а словно парит над водой. Архитектура современная, но не агрессивная. Рядом оживленная набережная, велодорожки. Сразу чувствуется: это место задумывалось не как мавзолей, а как живая точка притяжения.

Когда заходишь внутрь, первое ощущение — простора и свободы. Высокие потолки, много света, повсюду люди с кофе, за столиками работают студенты с макбуками, в холле кто-то играет в настольный теннис. В этом смысле Ельцин-Центр напомнил мне лучшие европейские культурные пространства, где музей — это не скучное хранение древностей, а место для жизни. Мы сдали куртки в гардероб, и я заметил афишу о том, что сегодня в кинозале показывают арт-хаусное кино, а вечером — лекция о советском дизайне. Центр явно живет полной жизнью, и это подкупает.

Но главное, конечно, музей. Экспозиция называется «Семь дней». Это не классический музей с витринами и табличками «экспонаты руками не трогать». Это настоящая машина времени, построенная на погружении. Тебя ведут через ключевые моменты новейшей истории: от первых всходов перестройки до драматических событий 1993 года, от шоковой терапии до принятия Конституции.

Первый зал встречает полумраком и звуками старого радио. Ты словно попадаешь в квартиру конца 1980-х. Обшарпанные стены, тяжелый дубовый сервант с хрусталем, который никогда не использовали по назначению, запах нафталина и очереди. Но самое сильное — это звук. Из старого катушечного магнитофона доносится голос ведущего, который объявляет, что в стране вводятся талоны на сахар. Рядом стоит телевизор «Горизонт», и на экране мелькают кадры заседаний съезда народных депутатов. Я стоял и пытался представить свою бабушку в этой комнате, с ее вечной экономностью и страхом «что-то кончится». И вдруг понимаешь: это же не просто история — это жизнь наших близких.



Следующий зал — полный контраст. Яркие краски, неон, музыка поп-групп начала 1990-х. Здесь воссоздана атмосфера первых кооперативных ларьков и коммерческих киосков. На полках — банки «Спрайта» в странной для сегодняшнего глаза упаковке, жвачки Turbo и Love Is, фантики от конфет, которые сейчас уже не найдешь. Можно взять в руки старый плеер, надеть наушники и послушать «Кар-Мэн» или «Ласковый май». Для нас, привыкших к стерильному интернет-потреблению, это шок. Оказывается, культура потребления тогда только зарождалась, и была она такой наивной, почти детской.

Но самое сильное впечатление произвел зал, посвященный политическому кризису 1993 года. Огромные экраны во всю стену транслируют хронику: танки на улицах Москвы, дым над Белым домом, растерянные лица прохожих, которые не понимают, что происходит. Рядом — осколки снарядов, простреленные каски, листовки. Экспозиция построена так, что ты не просто смотришь со стороны, а оказываешься в эпицентре. Звук стрельбы, крики, шум моторов — все это бьет по нервам. Я заметил, как пожилая женщина, проходившая мимо, остановилась и заплакала. Наверное, она это пережила. А я стоял и думал: как можно было жить в стране, которая воевала сама с собой? Для меня гражданская война — это что-то из учебников про прошлые века, а тут она была совсем рядом по историческим меркам.

После такого накала эмоций хочется выдохнуть. И создатели музея это предусмотрели. Дальше идет зал «Свобода». Там очень светло, много воздуха и интерактива. Например, можно сесть в кресло перед камерой и записать видеообращение на тему «Что для меня свобода?» Сначала я стеснялся, но потом решился. Говорил какие-то банальные вещи про возможность выбора, про интернет, про путешествия. Но когда выходил из кабинки, поймал себя на мысли, что сформулировать это непросто. Мои одногруппники записывали ролики кто с юмором, кто серьезно. Кто-то сказал, что свобода для него — это отсутствие страха. И это, наверное, очень точное определение для страны, которая прошла через такой сложный период.

Особое место занимает зал, посвященный самому Борису Ельцину. Здесь нет пафосных памятников. Наоборот, все очень камерно: личные вещи, книги с его пометками, фотографии семьи, его рабочий кабинет, перевезенный из Москвы. Массивный стол, кожаное кресло, пепельница, телефоны правительственной связи. Можно сесть за стол и почувствовать себя на месте человека, который принимал судьбоносные решения. Рядом висит его пиджак, простой, даже какой-то провинциальный. И это странным образом очеловечивает фигуру, которая для моего поколения стала уже почти мифом. Понимаешь, что это был живой человек, со своими слабостями, ошибками и огромной ответственностью.

Когда экспозиция закончилась, мы вышли в холл и долго не могли прийти в себя. Хотелось обсудить увиденное, но слов не хватало. Поэтому мы пошли бродить по центру. Поднялись на смотровую площадку. Оттуда открывается фантастический вид: город как на ладони, набережная, уходящие за горизонт кварталы. Внизу бегут люди, едут машины, плывет речной трамвайчик. И думаешь: вот она, обычная жизнь, ради которой все эти потрясения и затевались.



Затем мы заглянули в книжный магазин «Пиотровский». Это отдельная Вселенная. Запах свежей бумаги, стеллажи до потолка, умные продавцы, которые советуют книги, как старые друзья. Я купил там сборник интервью с людьми 1990-х — хочу понять эпоху из первых уст. Рядом в кафе сидели студенты с конспектами, пара пожилых людей листали журналы. Атмосфера абсолютной интеллигентности и спокойствия.

Спустились в ресторан. Интерьер стилизован под ту самую эпоху, 1990-е: старые афиши, пластмассовые игрушки, автомат с газировкой. В меню — салат оливье, котлеты по-киевски, компот. Еда простая, но очень вкусная. И опять же — это не просто ресторан, а место памяти. Люди за соседними столиками о чем-то оживленно спорили, показывали друг другу фото в телефонах. Жизнь кипела.

Я поймал себя на том, что не хочу уходить. Ельцин-Центр оказался не про политику, а про нас. Про то, как мы стали такими, какие мы есть. Здесь не навязывают единственно верную точку зрения, а предлагают задуматься, покопаться в себе, спросить у старших. После посещения я позвонил маме и спросил, как они с папой пережили 90-е. Она долго рассказывала про задержки зарплаты, про очереди, про первую поездку за границу. И я впервые слушал не как скучную историю, а как часть нашей общей семейной биографии.

Выходя на улицу, я оглянулся на здание. Оно светилось огнями в вечерних сумерках, и в нем чувствовалась жизнь. Мне кажется, такие центры нужны. Не для того, чтобы судить или оправдывать. А для того, чтобы помнить. Чтобы мы, молодые, понимали: история — это не абстракция, это наши бабушки и дедушки, наши родители, это мы сами. И от того, как мы это осмыслим, зависит, куда мы пойдем дальше.

Теперь я точно знаю: вернусь сюда еще не раз. Просто посидеть с книгой в «Пиотровском», посмотреть новый фильм в кинозале или подняться на смотровую и подумать о жизни. Потому что это место дает не только знания, но и пищу для души.

Сергей Миронов, 21 год.
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт,
г. Нижний Тагил

ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета
№ 4
30 апреля 2026 г.

МУЗЕЙ АНДЕГРАУНДА В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

Несколько недель назад мне выпала возможность посетить Музей андеграунда в Екатеринбурге — место, о котором я слышал от своих знакомых и друзей, но никак не мог себе представить, что именно там скрыто. Я отправился туда один, заранее не зная, чего ожидать: то ли сырого подвала с самодельными стендами, то ли полноценного культурного пространства. Реальность оказалась куда интереснее любых моих предположений.

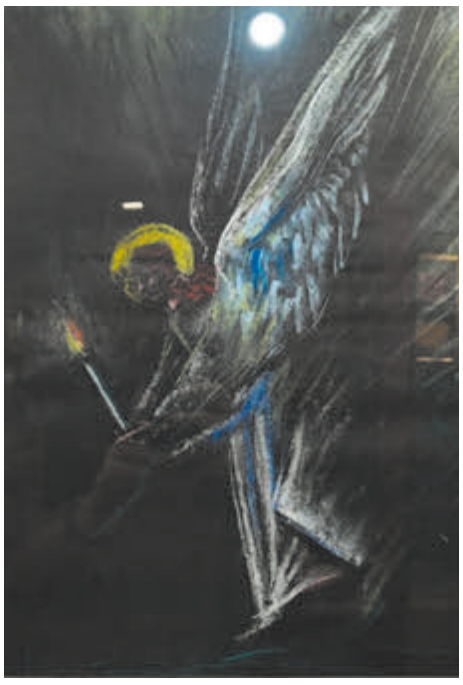
Уже само название — Музей андеграунда — задаёт определённый тон. Андеграунд в отечественном контексте — это не просто жанр или стиль, это целый пласт культуры, который существовал вопреки, а не благодаря. Советская эпоха породила огромный слой неофициального искусства: художников, которых не принимали в союзы, музыкантов, чьи записи распространялись на катушках из рук в руки, поэтов, читавших стихи на кухнях, а не в концертных залах. Именно об этом — музей.

Музей андеграунда открылся в Екатеринбурге 28 апреля 2022 года и стал единственным на Урале, посвящённым советскому неофициальному искусству. В его основе — частное собрание коллекционера Павла Неганова, которое он формировал более двадцати лет. Сегодня в экспозиции представлено более тысячи произведений. Масштаб впечатляет ещё до того, как начинаешь вникать в содержание.

Концепция музея строится вокруг идеи «энциклопедии» советского андеграунда 1960—1980-х годов. Шесть тематических залов организованы по географическому принципу: Свердловский андеграунд, Московский нонконформизм, Ленинградский андеграунд, Одесский андеграунд, зал современного искусства и новый мультимедийный зал «Рок-андеграунд», открытый в конце 2024 года и посвящённый истории Свердловского рок-клуба.







Такое деление помогает понять, что советский андеграунд — это не монолит, а целый архипелаг разных художественных миров, разбросанных по огромной стране.

Первое, что бросается в глаза, — это способ развески картин. Так называемая «шпалерная», или ковровая, развеска — от пола до самого потолка, плотно, без пустот. Поначалу это кажется хаосом: глаз не знает, за что зацепиться. Но потом понимаешь, что именно так и выглядели квартирные выставки советской эпохи — когда художники собирались на чьей-нибудь кухне или в комнате и вешали работы буквально везде, куда дотягивались руки. Музей не просто показывает искусство — он воссоздаёт атмосферу того времени, его плотность и напряжение.

Отдельного внимания заслуживает зал «Свердловского андеграунда». Экспозиция музея здесь вступает в резонанс с привычной классикой, буквально трансформируя восприятие неподготовленного зрителя.

Особой для меня стала картина, которую я не могу забыть до сих пор.



На полотне изображён мужчина в синем пиджаке — статный, с прямым взглядом, держащий в руке пистолет. К нему прижимается женская фигура, написанная в зеленоватых тонах — почти призрачная, почти нереальная. Фон — тёмно-красный, тяжёлый, как предчувствие. Согласно подписи на табличке, картина называется «Виктор» и датирована 1997 годом. Я спросил у сотрудника, кто такой Виктор. Он улыбнулся и сказал: «Каждый сам решает, кто это». Возможно, это собирательный образ лихих девяностых — человек, вынужденный существовать на грани, когда старый мир уже рухнул, а новый ещё не выстроился. Зелёная женщина рядом с ним — то ли совесть, то ли смерть, то ли любовь, которую он пытается удержать. Меня эта картина зацепила именно своей двойственностью: в ней нет однозначного ответа, и это, наверное, самое честное высказывание об эпохе, которую она изображает.

Но главное открытие случилось неожиданно, как это обычно и бывает. В одном из залов я остановился перед небольшой чёрно-белой фотографией в рамке. На снимке — Мавзолей Ленина на Красной площади, а на его фасаде — электронное табло с надписью «ЭХ!» Под работой — рукописная подпись: «Максиму Блоху, с уважением, от авторов», и год — 1992. Это типичный московский акционизм начала девяностых — провокационный жест, превращающий главный символ советской идеологии в объект иронии и горькой усмешки. Я попросил разрешения сфотографировать эту работу и долго стоял перед ней. Два символа — «ЭХ!» — и в них вся растерянность, весь выдох целой эпохи. Никаких объяснений не нужно. Эта работа стала моим личным открытием этого визита.

В том же пространстве меня зацепила ещё одна работа — рисунок пастелью на чёрном фоне, изображающий ангела с огромными крыльями и нимбом. Ангел склонился над чем-то невидимым, держа в руке тонкую свечу. Белые и синие штрихи на тёмной бумаге создают ощущение, что свет буквально борется с темнотой. На фоне экспрессивных полотен соседних залов эта работа казалась неожиданно тихой и очень личной.

Ещё одна работа, мимо которуой невозможно было пройти, — полотно художника К.Миллера, датированное 2008 годом и названное (согласно табличке) «Подозреваемый». На нём — мужчина в лохмотьях, которого волокут двое в чёрных шлемах и бронежилетах. Фигура жертвы написана почти как образ распятия — выгнутая спина, безвольно свисающие ноги. За спиной конвоиров — огонь. Это политическое высказывание, и оно прямолинейное до боли. Миллер не оставляет зрителю пространства для интерпретации: насилие — это насилие.

Выходя, я поймал себя на мысли, что провёл здесь значительно больше времени, чем рассчитывал. Музей андеграунда — это не просто коллекция картин. Это разговор о том, что происходит с культурой, когда она уходит в подполье, и о том, что остаётся после — когда подполье становится историей. Андеграунд существовал не для того, чтобы нравиться; он существовал, чтобы говорить правду. И эта правда до сих пор ощущается в каждом зале.

Рекомендую это место всем, кто хочет понять не только искусство, но и время — то самое время, из которого мы все так или иначе вышли.

Никита Скобельцын, 22 года.
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, г. Нижний Тагил

№ 4
30 апреля 2026 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета

УРОК ДЛИНОЮ В ВЕК: ПУТЕШЕСТВИЕ В ШКОЛУ, КОТОРАЯ СТАЛА МУЗЕЕМ



Здание МКУ «Мугайский музейно-туристский комплекс»



Зал «Городское четырёхклассное училище»

Когда нам сказали, что мы едем в музей, я представила себе что-то монументальное: колонны, витрины с артефактами за толстым стеклом, торжественную тишину. Вместо этого мы приехали в обычное, на первый взгляд, деревянное здание в старом уральском селе Мугай. Но уже на пороге наш экскурсовод произнесла фразу, которая перевернула все ожидания: «Добро пожаловать в школу. Занятия начались 115 лет назад и не прекращаются до сих пор».

Первый зал: Начало. 1911 год.

Мы остановились в классе с высокими окнами и темными партами, на которых сохранились углубления для чернильниц. Здесь не было манекенов — было ощущение, что ученики просто вышли на перемену. На стене висела карта Российской Империи, а на учительском столе лежал грифель и потрепанный букварь. Экскурсовод предложила нам сесть за парты и попробовать написать несколько слов перьевой ручкой. Чернила капали, буквы выходили кляксами. И в этой борьбе с непослушным пером я вдруг почувствовала невероятный трепет того самого первого мугайского ученика 1911 года. Для него этот акт письма был не рутиной, а магией, ключом к огромному миру за пределами села. Школа была не просто зданием — она была маяком цивилизации в глубинке.

Второй зал: Эпоха созидания. 1930—1950-е годы.

Мы перешли в следующий класс. Здесь витал уже другой дух — суровый и вдохновляющий. На стендах — пожелтевшие тетради с решениями сложных задач, портреты ученых, пионерский галстук. В этом зале история образования переплелась с историей страны. Учились не просто «чтобы знать». Учились, чтобы выжить, восстановить, построить. Школа была кузницей характеров. Я представила, как здесь, при свете керосиновой лампы, ребята, похожие на меня, мечтали о покорении космоса, целинных землях, великих стройках. Их парты были теми же стартовыми площадками.

Третий зал: Наша память. 1960—2002 годы.

Третий зал оказался самым пронзительным. Здесь уже не было старины — была молодость наших родителей, бабушек и дедушек. Пластмассовые пеналы, учебники, по которым училась моя мама, школьная форма, фотографии с последних звонков. На одной из парт лежала открытка 1995 года с надписью: «Любимой учительнице истории. Спасибо за всё». И здесь случилось главное чудо Мугайского музея: стирание временной дистанции. Я поняла, что сидела за точно такой же партой. Решала такие же уравнения. Переживала из-за таких же контрольных. Последний звонок 2002 года, когда школа закрылась, перестал быть датой в прошлом. Он стал личной историей расставания с домом. Я увидела не экспонаты, а следы живых, не успевших остыть эмоций.

Урок, который продолжается.

Выйдя на крыльцо, мы долго молчали. Я обернулась и посмотрела на здание. Оно больше не было просто «объектом 1911 года постройки». Оно было живым существом, прошедшим путь от церковно-приходской школы до советской десятилетки. Его стены, пропитанные запахом мела, дерева и детских голосов, стали самым честным историком.

Мугайский музей не рассказывает об образовании. Он позволяет его пережить. Он доказал мне, что школа — это не здание и не программа. Это поток жизни и смысла, который передается от учителя к ученику. Да, в 2002 году здесь прозвенел последний звонок для учеников. Но он стал первым звонком для нас, посетителей. Уроки не закончились. Они просто сменили формат.

Идти в такой музей — это не экскурсия. Это испытание на связность времён. Ты понимаешь, что твоя собственная школьная жизнь, с её тревогами и радостями, — это всего лишь один абзац в большой, прекрасной и непрерывной книге под названием «Как учатся дети». И ты несешь ответственность за то, чтобы эта книга никогда не закрылась. Мугайская школа выполнила свою миссию. Она выпустила во взрослую жизнь тысячи детей. А теперь она учит нас, современных старшеклассников, самому главному: помнить, ценить и продолжать.

Анна Черемисина, 16 лет.
Махнёвская школа,
Алапаевский район



Зал «Советская школа 1960-1992»



Зал «Школа колхозной молодежи»

ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета
№ 4
30 апреля 2026 г.

ХРАНИТЕЛИ ШЕПОТА: РАЗГОВОР С ВЕЩАМИ В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ МУЗЕЕ

Провинциальный музей — это не склеп, а улей. Здесь время не уснуло, оно лишь приумолкло, чтобы услышать самого себя

Верхнетагильский историко-краеведческий музей — небольшой провинциальный музей, который обходит городская суета. Здесь не чувствуется стремительный XXI век. Тут всё просто, размеренно, как и десятки лет назад. Дверь закрывается с тихим, но уверенным щелчком, и ты попадаешь в музейное безмолвие, характерное только для таких мест. Но ведь здесь и ожидаешь этого, внутренне готовясь к негромкому, обстоятельному разговору о прошлом.

В разных музеях свои запахи: где-то пахнет кожаными креслами, где-то чувствуется запах пудры и духов, видимо, недавно открывали флаконы, чаще — деревянными старыми витринами... А тебе только и остаётся, что разглядывать экспонаты под стеклом. Они становятся твоими собеседниками, открывая по-новому вещный мир прежних эпох. Но есть и другие предметы, ты их даже не ожидала увидеть...

Меня поражает гигантский лось с могучими рогами, считающийся исконным хозяином уральских лесов. Это материализованный дух загадочной тайги. Он сейчас смотрит на вас, а ведь когда-то размеренно шагал



по опушке и вглядывался вдаль, улавливая каждый шорох, кожа его вздрагивала от падающих дождевых капель, треска сучьев под копытами... Да, на такого могучего гиганта я смотрю снизу вверх!

Рядом, в другом зале, приземистый станок с одного из местных заводов. Он тоже молчит, но, кажется, если прислушаться, можно уловить глухое эхо его былого грохота, стук молотов и гулкие голоса мастеров в цеху. Может, это наивно и просто, но, по-моему, лось и станок — это зримые образы Урала: природный и промышленный. А в музее они оказываются рядом, удивительным образом дополняя друг друга, указывая на уникальность места.

Но подлинная магия начинается с человеческого быта, со старины, которую можно отыскать уже только в музеях, прикоснуться руками. Вот трепетно воспроизведена крестьянская изба. Здесь нет пафоса, чего-то необыкновенного, здесь есть жизнь. Вышитое полотенце с давно позабытыми символами-оберегами, мы об этом читали в книжках. Люлька, в которой качали младенцев разных поколений. (Сейчас и слово-то это вышло из повседневного обихода). Чугунок у печи, на стенках которого остались застывшие следы давних щей, чёрная сажа на внешней поверхности... Ты невольно ловишь себя на мысли: чьи руки держали старый ухват? О чём мечтала девушка, вышивая этот сложный узор на полотенце, а потом кому-то подавая его с улыбкой? Кем выросли ребятишки, чьи первые звуки были обращены к тёмному бревенчатому потолку из этой колыбели?

Эти вещи негромко рассказывают историю, а ты способна услышать её, новые открытия случатся именно с тобой. Вот фотография строгого бородатого купца, типичного уральского предпринимателя, пожелтевшая, с трещинками, но всмотришься в его глаза и увидишь не



абстрактного «представителя сословия», а живого человека с его амбициями, заботами, радостями. Он строил этот город, а его многочисленные дети бегали по этим же улицам, его судьба вплетена в ДНК Верхнего Тагила.

Особое чувство испытываешь перед витриной, посвящённой Великой Отечественной войне. Здесь пожелтевшие треугольники писем, чудом сохранившиеся, где за скупыми, цензурными строчками («жив, здоров, бьём врага») скрывается бездна тоски и любви. Ордена, которые для кого-то были не наградой, а знаком страшной цены. Простые солдатские ложки, погнутые, тусклые, но так необходимые в солдатском быту. Именно этот непритязательный предмет почему-то трогает...

Покидая музей, выходишь на улицу преображённой. Взгляд на знакомый город меняется. Вот старый дом, а ты уже представляешь, как выглядели его первые жители. Вот старая заводская труба, а ты словно слышишь эхо первого гудка. Улицы наполняются тенями и голосами тех, кто ходил здесь до тебя...

Верхнетагильский музей — это живой дышащий организм. Это место, где прошлое продолжается, а посетители ведут свой внутренний диалог. В мире, где всё меняется с бешеной скоростью, такие островки непрерывной памяти бесценны. Они напоминают нам, что все мы — звенья в длинной цепи поколений. Может быть, у каждого из нас, как и у того лося или станка, у того рушника или солдатского письма, есть своя, уникальная нота в великой симфонии под названием «время». И я тоже постараюсь сыграть свою ноту, хочу не затеряться в общем потоке...

Паньшина Александра, 20 лет
Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург

ЛЕГЕНДА, ЗАСТЫВШАЯ В МЕТАЛЛЕ

В Нижнетагильском музее-заповеднике «Горнозаводской Урал» среди блистающих лаковых подносов с пышными цветочными гирляндами и сказочными жар-птицами есть один экспонат, который привлекает внимание. Это поднос «Ефим Артамонов — изобретатель первого велосипеда», созданный в 1976 году молодым художником Геннадием Петровичем Бабиным. Всматриваясь в его зеркальную поверхность, понимаешь: перед тобой не просто декоративное панно, а настоящий гимн народной мечте, дерзновению и таланту, запечатленный в металле и красках.

Геннадий Петрович Бабин принадлежит к плеяде мастеров, которым выпала миссия возрождать и сохранять уральскую лаковую роспись во второй половине XX века. Поднос «Ефим Артамонов» стал его дипломной работой в Уральском училище прикладного искусства. Руководителем проекта выступил преподаватель Анатолий Владимирович Пономарёв. Выбор темы оказался судьбоносным — он определил весь дальнейший путь художника.

Для работы над дипломом Бабин отправился в творческую командировку в подмосковные центры лаковой росписи — Жостово и Федоскино, где постигал секреты многослойного письма. Вернувшись, он создал поднос всего за неделю — на едином творческом подъеме, словно сама история вела его руку.

Кто же такой Ефим Михеевич Артамонов, чей образ увековечил Бабин? Согласно легенде, это крепостной мастеровой, родившийся в 1776 году в семье плотника на Пожевском заводе в Пермской губернии. В 1800 году он изобрел двухколесный цельнометаллический «самокат» — прообраз велосипеда. А в 1801 году, к коронации императора Александра I, совершил немыслимое: преодолел путь от Нижнего Тагила до Москвы (около двух тысяч верст!) на своем изобретении.

Предание гласит, что императору диковина пришлась по душе, и он пожаловал изобретателю 25 рублей золотом и вольную для него и всего его потомства. Этот сюжет и лег в основу росписи Бабина.

Поднос создан на старинной кованой форме XIX века. В центре композиции — стремительно несущийся всадник на диковинном двухколесном самокате с огромным передним колесом. Художник использует излюбленную уральскую технику многослойной росписи с пастой цвета золота. Красно-оранжевый фон создает ощущение огненной дороги, пути сквозь пространство и время.

Надпись старославянским уставом — «Ефим Артамонов — изобретатель первого велосипеда» — придает изображению почти иконописную торжественность. А дата «1800 год» закрепляет событие в вечности.

Судьба подноса сложилась счастливо. С 1976 по 1988 год он принадлежал Уральскому училищу прикладного искусства. А в 1988-м, в день закрытия выставки «Уральская лаковая живопись XVIII—XX веков», работа была передана в дар музею-заповеднику «Горнозаводской Урал». Сегодня это одно из украшений экспозиции музея истории подносного промысла.

Поднос Геннадия Бабина — уникальный памятник, лежащий на грани истории и мифа. Он не столько документирует реальность, сколько отражает народное сознание, его потребность в героях-самородках, способных своим трудом и талантом преодолеть любые преграды — будь то тысячи верст бездорожья или само крепостное право.

Вглядываясь в стремительный силуэт всадника на велосипеде, понимаешь главное: не так важно, существовал ли Артамонов на самом деле. Важно, что художник Бабин, вложив душу в свою работу, создал образ, который живет и вдохновляет. А значит, легенда продолжается.

Ангелина Боликова, 24 года.
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт,
г. Нижний Тагил



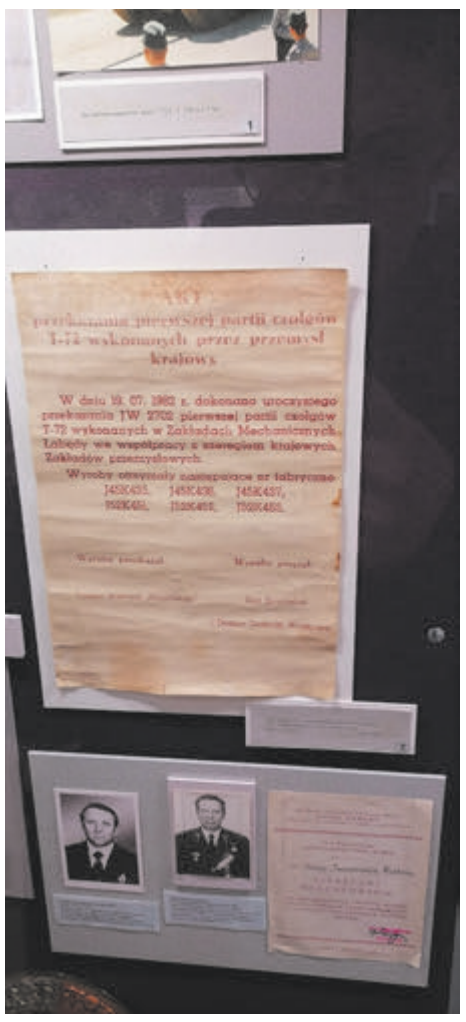
№ 4
30 апреля 2026 г.
ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

МЕЧТА КОЛЛЕКЦИОНЕРА, КОШМАР ГУМАНИСТА



Дорога к музею бронетанковой техники проходит мимо гигантских цехов «Уралвагонзавода» — предприятия, которое могло бы считаться государством в государстве. Я пришёл сюда не просто как турист. Меня всегда привлекала военная техника — не как инструмент убийства людей, а как высшее проявление инженерной мысли, результат работы тысяч умов, облачённый в сталь. Но именно здесь, среди многотонных стальных машин, это увлечение сталкивается с этической дилеммой. Я прекрасно осознаю парадокс: всё, что здесь создано, предназначено для уничтожения. Человечество, научившееся расщеплять атом, отправлять ракеты к другим планетам, создавать лазеры, до сих пор не изобрело социальную технологию, способную предотвратить войну. Мы гордимся двигателем в тысячи лошадиных сил, но забываем про потенциальные людские силы, потерянные в неостановленных и неразрешённых конфликтах.

Проходя между экспонатами, я пытаюсь проследить эволюцию. Концепция танка времён Первой мировой войны была до неприличия проста: пушка или пулемёт на гусеницах с тонкими листами брони. Ранние машины, модели которых можно увидеть в музее, неуклюжи, медлительны и похожи скорее на трактор, сбежавший с поля, чем на стремительного хищника, который задаст тенденции в следующей мировой войне. В 1920—1930-е годы инженерная мысль буксовала, блуждала в потёмках — эксперименты с многобашенными гигантами выглядят сейчас как попытка создать сухопутный дредноут, тупиковая ветвь эволюции.



Серьёзным катализатором стала Вторая мировая война. Можно легко выявить, как далеко шагнула технологическая мысль, посмотрев на БТ-7 или Т-26 начала войны и ИС-2, Т-44, а позже и Т-54.

Следующая революция в танковой промышленности случилась в 1960-е. Внимание приковывает стенд, посвящённый Александру Александровичу Морозову. Именно его Т-64, созданный в Харькове, задал новые тенденции развития бронетехники. Это был первый в мире танк, воплотивший концепцию «основного танка», где сочетались мощное вооружение, надёжная броня и относительно небольшой вес. Однако музей в Нижнем Тагиле интересен тем, что показывает — революцию нужно уметь не только совершить, но и развить. Уральцы, взяв харьковскую идею, создали нечто своё — легендарный Т-72.

Передо мной образец брони носовой части корпуса. Стоя рядом с этим массивным куском брони, начинаешь понимать философию советского танкостроения. Бронирование здесь дифференцированное: спереди — максимальная толщина, по бортам — меньше. Почему? Потому что в борьбе «снаряд-броня» физика ставит жёсткие ограничения. Сделать танк неуязвимым со всех сторон невозможно (по крайней мере на тот момент времени) — он станет неподъёмным. Значит, нужно защитить то, куда противник выстрелит в первую очередь — лоб. Сама броня комбинированная — состоит из стали и текстолита.

Забираюсь внутрь Т-72А. Внутри поразительно тесно в сравнении с тем же Т-34, но сидеть удобнее (мягкие сиденья, есть вентилятор). Калибр пушки — 125 мм, больше, чем у легендарного ИС-2. И это не просто пушка — это гладкоствольное орудие, способное запускать управляемые ракеты. Танк превратился в ракетный комплекс на гусеницах.

На стендах музея можно увидеть редкие фотографии и документы, в том числе материалы о лицензионном производстве Т-72 за рубежом. Польский документ, рассказывающий о передаче первой партии танков Т-72, произведённых на заводах «Бумар-Лабенды» в 1982 году. Это заставляет задуматься о географии распространения танка. Польша, Чехословакия, Индия, Ирак, Сирия — Т-72 стал не просто оружием, а инструментом геополитики, надёжным и неприхотливым, как автомат Калашникова.

Сравнивая Т-72 с его модификацией Т-72А, стоящие рядом в экспозиции, можно легко увидеть разницу. У «Ашки» другая башня, появились пусковые установки дымовых гранат. Танк постоянно модернизировался, менялись габариты брони, прицельный комплекс, добавлялась динамическая защита.

Гуляя по залам, ловлю себя на мысли, что танк — это не вещь в себе. Наполеон когда-то сказал: «Способность без возможности — ничто». Танк беспомощен без пехоты, артиллерии, авиации и разведки. Именно поэтому на базе Т-72 создано так много машин: инженерные, мостоукладчики, машины поддержки танков, тяжёлые огнемётные системы. Шасси Т-72 оказалось настолько удачным, что стало платформой для целого семейства военной техники.

Но чем больше я вглядываюсь в экспонаты, тем тяжелее становится на душе. Т-72 — танк, созданный в Нижнем Тагиле, на основе танка, созданного в Харькове. Два города, два завода, одна школа. А теперь эти машины, рождённые в братских республиках, смотрят друг на друга через прицелы в реальных боевых действиях.

Стоя перед Т-72, я думаю не о баллистике и не о толщине брони. Я думаю о том, что человеческий гений, способный создавать такие совершенные механизмы, оказывается бессилен перед собственной глупостью и жестокостью. Мы научились защищать сталью экипаж танка, но так и не научились защищать мир от войны.

Покидая музей, я оглядываюсь на ряды застывших машин. Т-72, принятый на вооружение в 1973 году, с глубокими модификациями до сих пор стоит на вооружении российской армии и армий десятков других стран. Это удивительный пример долголетия, заложенного инженерами прошлого века. Но ухожу я не с чувством гордости за эту мощь, а с тихой грустью о том, что мы до сих пор измеряем прогресс калибрами и миллиметрами брони, вместо того чтобы измерять его милосердием и умением договариваться.

Мне нравится думать о возможностях человеческого гения. О том, каких высот мы способны достичь в науке, технике, искусстве. Но после посещения этого музея я ещё острее понимаю: самые высокие вершины нам ещё предстоит покорить. И вершины эти — не в металле, а в наших головах и сердцах.

Уржумов Георгий, 21 год
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, г. Нижний Тагил



ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета
№ 4
30 апреля 2026 г.

ИСТОРИЯ УНИКАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ

Недавно мы посетили замечательный музей – визит-центр «Платина», созданный по инициативе члена поселкового совета Александра Петровича Копытова и его единомышленников по развитию туризма в Нижнетуринском МО в здании бывшего Дома детского творчества. В холле визит-центра бросилась в глаза вывеска огромного размера: «Ис – платиновая столица России». И лозунг этот не случаен. Именно здесь более 200 лет назад образовался прииск, вошедший в мировую историю как «Уральский Клондайк». Долгие годы поселок Ис был главным центром добычи платины не только на Урале, но и во всем СССР. Сегодня в поселке не забыли свои корни, и местные жители открыли музей, посвященный добыче благородного металла, – культурно-туристический визит-центр «Платина». Через эти места прошли сотни, а может, быть, тысячи человеческих судеб. Мы расскажем об одной...

Впервые мы увидели эту фотографию в экспозиции военно-полевой кухни в Музее Победы в Москве в канун 85-летия со Дня Победы в Великой Отечественной войны мы. На ней советский солдат раздавал обед немецким детишкам. Каково же было наше удивление, когда в визит-центре мы увидели эту же фотографию. Директор центра А.П.Копытов рассказал, что на ней изображен наш земляк Леонид Гаврилович Гапоненко.

Походную кухню около полуразрушенного многоэтажного дома окружили голодные люди: пожилые женщины и дети. Они протягивают повару принесенные из дома кастрюли и миски. Крепкий солдат-повар быстро и умело наливает в посуду горячий суп, не забывает положить и хлеб. Два стоявших рядом солдата – боевые друзья Леонида, скорее всего, подшучивают над ним.



В 1969 году этот снимок был опубликован в журнале Freie Weit («Свободный мир»). Сотрудники издательства обратились к читателям с просьбой определить героев этой фотографии. Интересно заметить, что этот снимок был размещен на страницах учебников истории за 1969 год для учеников 10-го класса школ ГДР (Германской Демократической Республики).

В те годы в советских школах активно изучали немецкий язык. Каждый преподаватель иностранного языка стремился приобрести иностранные журналы. Оказалось, что журнал «Свободный мир» выписывала Н.А.Безверхая, преподавательница немецкого языка Исовского геологоразведочного техникума. Открыв номер, она увидела фотографию и узнала в одном из солдат своего коллегу – Леонида Гавриловича Гапоненко. Преподаватель был очень тронут таким известием и ответил на эту статью, где рассказал о своем боевом пути.

Через несколько дней Леонид Гаврилович получил телеграмму-приглашение: «Очень рады, что Вы узнали себя на фото в журнале ГДР. Редакция журнала Freie Weit приглашает Вас на одну неделю в Берлин». Леонид Гаврилович с радостью согласился на проездку – ему очень хотелось снова оказаться в Берлине и увидеть, как изменился город за эти 25 лет, посетить могилы своих боевых товарищей.

Л.Г.Гапоненко в составе войск 1-го Белорусского фронта принимал участие в боях за Берлин. Был наводчиком в минометном расчете мотострелкового батальона 36-й танковой бригады 11-го танкового корпуса. В боях за Берлин солдат был легко ранен и по решению командира его отправили в медсанчасть. Вскоре в городе начались уличные бои, и ему пришлось выезжать с боеприпасами и кухней на боевые позиции своего батальона. Еду солдатам брали впрок, поэтому после обеда всегда оставался горячий суп и хлеб. Все это солдаты раздавали жителям Берлина. Увидев выкаченную полевую кухню, первыми бесстрашно подбегали дети, а потом медленно брели женщины и старики.

В 1950 году Леонид Гаврилович вернулся в Васильково, окончил школу рабочей молодёжи, потом Киевский геологоразведочный техникум. Получив специальность техника-геофизика, уехал на Урал.

Работал в различных партиях Уральского геологического управления и заочно учился в Свердловском горном институте. В 1964 году Леонид Гаврилович был приглашён в наш Исовский геологоразведочный техникум, где трудился до 1983 года.

Так преподаватель ИГРТ Леонид Гапоненко вошел в историю Германии – в 1970 году правительство ГДР пригласило его в Берлин на ту самую площадь, где он так заботливо угощал немецких стариков и детей. Так может поступить только русский солдат!

Иван Васильев, 14 лет,
Кирилл Гутников, 15 лет.
Школа № 1 имени
Е.В.Панкратьева,
г. Нижняя Тура



На этом снимке, сделанном в Берлине в апреле 1945 года, Леониду Гапоненко (он раздаёт кашу) всего 18 лет

№ 4
30 апреля 2026 г.

ВРЕМЯ

Информационно-
просветительская
газета



Кабинет врача



Мемориальная плита школы №2 (бывшего третьего отделения эвакогоспиталя)

ТЫЛОВОЙ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ 1941–1945 ГГ. В НЕВЬЯНСКЕ

Победа советского народа была бы невозможной без работы госпиталей, а именно работы врачей, медсестер, которые возвращали сотни раненых солдат к жизни. В их честь в мае 2025 года, в 80-ю годовщину Победы в Великой отечественной войне, в Невьянском государственном историко-архитектурном музее открылась экспозиция «Тыловой военный госпиталь в 1941—1945 годах», посвященная работе эвакогоспиталей № 2545 и № 5924, которые располагались на территории Невьянска.

Выставка встретила нас стендами с информацией о специалистах в области военной медицины, достижения которых легли в основу помощи раненым: это Николай Иванович Пирогов, основоположник военно-полевой медицины, и Владимир Андреевич Оппель, разработчик теоретических основ санитарной эвакуации. Здесь также говорится о руководителях областной сферы здравоохранения того времени и некоторых нормативных документах, на основе которых происходило управление системой эвакогоспиталей.

Эта выставка словно мост между прошлым и будущим, где подлинная история встречается с современными технологиями. С помощью интерактивной карты можно «побывать» в любом городе Свердловской области и узнать о наименованиях, руководящем составе, медицинском профиле и месте размещения госпиталей

Далее мы оказываемся в вагоне санитарного поезда, специально оборудованного для доставки раненых в эвакогоспиталь. Здесь спальные полки снимаются и превращаются в носилки для транспортировки. Возле небольшого окна находится столик медсестры, под которым лежит санитарная сумка, к нарам подвешена керосиновая лампа. Ощущение движущегося поезда создают стук колес и сменяющийся пейзаж за окном.

Следующая часть выставки была посвящена отделениям госпиталя в Невьянске. Так как с полей сражений привозили очень много раненых, требовалось много помещений, где можно было их разместить. В городе под госпитали были укомплектованы четыре учебных заведения: школы № 1, 2, 3 и Уральский горнозаводской колледж имени Демидовых. Госпитали остро нуждались в медицинском персонале, поэтому существовавшая с 1937 г. двухгодичная школа для подготовки медсестер стала принимать без экзаменов, а обучение сократилось с двух лет до одного года.

Дальше мы посетили реконструкцию одной из палат госпиталя, размещавшуюся в здании школы № 1. Палата обустроена просто: возле окна стоит железная кровать, помещение обогревает печка-голландка, а на потолке в углу находится черная тарелка-радио, транслирующая песни и фронтовые сводки, которые читает Юрий Борисович Левитан.

Особое внимание привлек стенд с воспоминаниями, в которых рассказывается о том, какой непростой путь проходили медицинские работники, чтобы не просто вылечить, но и вселить веру людям с тяжелыми травмами, что их жизнь на этом не заканчивается и она еще может быть полноценной и содержательной. Врач-ординатор первого отделения эвакогоспиталя Елена Меркурьевна Лаврова вспоминала: «...Самое главное было — вселить надежду на выздоровление, помочь найти раненым место в жизни, вернуть к общественно-полезному труду. Помню, был у нас такой Василий Максимович Пысин из Кировграда. Очень тяжелая рана у него оказалась, высокая ампутация. Зайдешь, бывало, к нему в палату, а он лежит, отвернувшись к стене, и у самого на глазах слезы. Так ни с кем не разговаривал, только молчал и плакал. Потом все-таки нашли к нему «ключ» — узнали, что он играет на гармони, и как-то подарили ему ее. Поначалу играл только тоскливые, щемящие сердце мелодии, потом стал веселее и веселее. Так мы его и вернули к жизни, в будущем музыка стала его профессией...»

Жители Невьянска, как взрослые, так и дети не оставались в стороне и всячески помогали в организации помощи раненым. Взрослые помогали по хозяйству: мыли полы в палатах, стирали и латали одежду, снабжали продуктами питания. Учащиеся школ каждый день после уроков приходили к солдатам и показывали постановки сказок, устраивали концерты, праздники, вслух читали книги.

Из соседнего помещения доносится металлический скрежет — это работа врачей в операционном блоке. В витринах представлен широкий арсенал хирургического инструмента: скальпели, зажимы, цапки, иглодержатели и многое другое. Мы восхищаемся стойкости хирургов, которые, по рассказу экскурсовода, на протяжении 3—4 суток без сна, несмотря на усталость, оперировали этими острыми и опасными инструментами, которыми при любом неосторожном движении могли навредить человеку. Но благодаря профес-



Воспоминания работников эвакогоспиталей



Вот так выглядели палаты первого отделения эвакогоспиталя



Интерактивная карта табличками с информацией о госпиталях Свердловской области



Расположение отделений эвакогоспиталей на территории Невьянска



Стенд с наградами, документами почетного донора СССР Людмилы Михайловны Вейхман (Степановой)



Расположение отделений эвакогоспиталей на территории Невьянска



Расположение отделений эвакогоспиталей на территории Невьянска



Сохранение памяти о подвиге медиков тыла и военнослужащих, умерших от ран в эвакогоспиталях

сионализму врачей несчастных случаев было мало. Экскурсовод упомянула статистику о проценте выживаемости после ранения в СССР и сравнивали со страной-противником Германией. В СССР после ранения успешно лечились и полностью восстанавливались 70 % людей, в то же время в Германии только 40 % раненых удавалось вылечиться. Это доказательство высокого уровня медицины в СССР в военные годы.

После операционного блока мы заглянули в кабинет врача — место, где он занимается заполнением документов пациентов. В медицинском заключении указывали данные солдата, подробно описывали его внешность, характер ранения, вид операции, прописывали схему лечения и указывали сроки пребывания в госпитале. Для выставки специально сделаны копии медицинских заключений, которые посетителю выставки можно взять в руки и прочитать.

Также уделили внимание тем, кто вкладывался в лечение раненых не только делом, но и самым дорогим, что есть в организме человека — своей кровью. При невьянском госпитале действовал пункт переливания крови, созданный еще до войны. Здесь представлены документы, награды и воспоминания журналиста и киномеханика, почетного донора Людмилы Михайловны Вейхман (Степановой), которая только за военный период сдала около 20 литров крови! Сданная кровь часто требовалась во время операций, которых проводилось по 5—6 за день.

На завершающем этапе экскурсии была подчеркнута важность сохранения памяти о событиях военных лет. В честь медиков и военнослужащих, умерших от ран в эвакогоспиталях, 9 мая 1975 года на городском кладбище был открыт памятник. На зданиях бывших госпиталей размещены мемориальные плиты. Благодаря поисковому отряду «Держава» стали известны фамилии бойцов, захороненных в братской могиле.

Эта выставка позволяет не только узнать больше о городе в эпоху Великой Отечественной войны, но и эмоционально погрузиться в то время: испытать гордость за медиков и бойцов и их самоотверженный труд, грусть из-за осознания того, что были люди, кто после ранения терял веру в жизнь. Восхищало и даже шокировало мужество медиков, которые жертвовали всем ради спасения жизни, и радовало, что благодаря им солдаты вставали на ноги, шли снова в бой и смогли одержать победу!

Эта выставка не просто открыла для меня историю моего родного города, но и историю моей семьи. Оказывается, в одном из отделений госпиталя лежал мой прадедушка — Ушенин Афанасий Ильич, его имя указано в списке бойцов, проходивших лечение.

Анна Зверева, 21 год.
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, г. Нижний Тагил



Стенды с информацией о специалистах в области военной медицины, руководителях областной сферы здравоохранения и нормативных документах



Список бойцов, проходивших лечение в Невьянских эвакогоспиталях



Так выглядел вагон санитарного поезда

№ 4
30 апреля 2026 г.
ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

НИЖНЕТАГИЛЬСКИЙ МУЗЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ: ИСТОРИЯ И ЛЮДИ



Всё дальше и дальше отодвигаются от нас события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но память о тех трагических и героических годах не ослабевает, передается из поколения в поколение. Наш город Нижний Тагил находился далеко от места военных действий, но внёс неоценимый вклад в дело Великой Победы. Люди в те годы жили под лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы». Работали без выходных и отпусков, получали похоронки на своих родных и близких, недосыпали и недоедали, но выстояли и победили. Где они брали силы, как укрепляли веру в победу? Этот вопрос всегда волновал меня, как только я соприкасалась с темой Великой Отечественной войны.

И для себя я нашла ответ на этот вопрос, когда познакомилась с историей создания Нижнетагильского музея изобразительных искусств.

В годы Великой Отечественной войны в Нижний Тагил были эвакуированы представители технической и творческой интеллигенции из блокадного Ленинграда и оккупированной Украины, а также много произведений живописи из музеев европейской части Советского Союза. Среди эвакуированных были молодые художники Феликс Самойлович Лемберский и Михаил Павлович Крамской, приехавшие в Нижний Тагил после тяжелых ранений с Ленинградского фронта в 1942 году. А также уже хорошо известный художник, педагог Михаил Гордеевич Дерегус, живописец и график, преподаватель Харьковского художественного института. Именно они стали инициаторами и основными организаторами объединения художников в Нижнем Тагиле. Я думаю, что у них было огромное желание внести свой вклад в победу, помочь труженикам тыла выстоять в годы тяжёлых испытаний. Как писал К.Паустовский в сборнике «Радость творчества»: «Дело художника — рождать радость, противостоять страданию всеми силами, всем талантом». Именно для этого объединились эвакуированные и тагильские художники.

Летом 1942 года в нашем городе появляется Нижнетагильский Союз художников, а осенью 1943 года прошла первая художественная выставка. На выставке были представлены работы всех членов Союза. Анри Матисс сказал: «Картина должна доставлять глубокое удовлетворение, отдых и чистейшее наслаждение обременённому сознанию». Успех выставки полностью подтвердил эти слова. Посмотреть на картины жители приходили семьями, после тяжелой рабочей смены. Для многих это стало праздником.

Тогда и возникла идея о создании в Нижнем Тагиле картинной галереи. Руководство города эту идею поддержало. 12 ноября 1943 года Областной Совет народных депутатов принял решение «Об организации Областной картинной галереи в г. Нижний Тагил». Директором галереи был назначен Феликс Лемберский. На создание галереи выделили 50 тысяч рублей и отдали здание Первомайского клуба по улице Уральской. Галерея создавалась в тяжелых условиях военного времени. Были трудности и с кадрами, и с транспортом, и с рабочей силой. Весь Нижний Тагил принял участие в ремонте здания. С предприятий присылали рабочих: белили стены, красили полы и окна, мыли, чистили, убирали мусор вокруг здания, заготавливали дрова.

Подготовка здания, заготовка дров, расстановка мебели, обучение сотрудников было очень важным делом, но для создания картинной галереи нужно было собрать свою коллекцию. Нижнетагильский краеведческий музей передал картины известных тагильских художников С.Дубасникова, Е.Кузнецова, П.Веденецкого, М.Дмитриева, работы династии Худояровых, а также коллекцию картин западноевропейского искусства из собрания Демидовых.

Сотрудники будущего музея покупали у эвакуированных и жителей города произведения известных художников, предметы декоративно-прикладного искусства. В эвакуацию люди брали с собой только самое ценное, и для многих произведения искусства имели не только материальную ценность, но и олицетворяли связь с родным домом. Тем не менее, многие соглашались за небольшую плату передать предметы искусства на создание галереи. Так были приобретены подлинные работы живописи и графики художников И.Шишкина, В.Маковского, А.Бенуа, Е.Лансере.

Большую помощь в формировании коллекции будущей галереи оказали Государственный Русский музей и Государственная Третьяковская галерея, эвакуированные в начале войны на Урал. Научные сотрудники Государственного Эрмитажа профессора К.Ф.Асаевич и Т.В.Каменская активно помогали в создании галереи, консультировали и обучали её сотрудников. А эрмитажный реставратор Ф.И.Каликин приводил в порядок поступающие в галерею картины. По инвентарным книгам музея на день открытия галереи числилось 73 картины. Эти картины составили постоянную экспозицию.

Жители с нетерпением ждали открытия галереи. Областная картинная галерея открылась 30 сентября 1944 года. Сотрудники галереи проводили экскурсии, читали лекции об искусстве, пополняли коллекцию картин. Вместе с постоянной выставкой в картинной галерее создавалась передвижная выставка «Урал — кузница оружия». На ней были представлены картины уральских мастеров, а также работы художников Ленинграда, Киева, Харькова, написанные в эвакуации. Часть этой выставки состояла из портретов героев труда. Художники писали портреты тех, кто своим героическим трудом приближал победу над врагом. Посещая галерею, люди соприкасались с прекрасным, получали положительные эмоции. Это отвлекало от тяжёлых мыслей, давало силы и укрепляло веру в победу над врагом.

Те, кто создавал картинную галерею, внесли неоценимый вклад в мирное будущее нашего города. В 1946 году Нижнетагильская Областная галерея была переименована в Нижнетагильский Государственный музей изобразительных искусств. Сегодня музей ИЗО — это центр художественной культуры Нижнего Тагила. Музейный комплекс находится в исторической части города, имеет четыре здания и более десяти тысяч экспонатов.

Однажды Ф.М.Достоевский сказал: «Искусство есть такая же потребность для человека, как есть и пить». Еда восстанавливает физические силы, а искусство душевные, вдохновляет, даёт надежду. «Прекрасное — движущее жизненной силой».

История создания музея изобразительных искусств меня поразила. Несмотря на тяжёлое военное время, на потерю близких на фронте, люди верили в счастливое будущее, и эта вера помогла выстоять и победить.

Когда я прихожу в музей изобразительных искусств на какую-нибудь выставку, то всегда захожу в зал, где находятся картины, которые помогли выжить многим людям в тяжелые военные годы. Мне стали понятны и близки слова Ф.М.Достоевского: «Потребность красоты и творчества, воплощающего её, — неразлучна с человеком, и без неё человек, может быть, не захотел бы жить».

Митина Александра, 18 лет
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт
г. Нижний Тагил





ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета
№ 4
30 апреля 2026 г.

КАМНИ, КОТОРЫЕ ПОМНЯТ ЭПОХИ

«Природа — это не пейзаж за окном, а память мира, в которой мы лишь одна из страниц».
В.М.Песков, писатель, журналист.

Я вошла в Музей природы Урала почти случайно — без ожиданий, без заранее сформированного восторга. Думала, что это будет очередное «полезное» место, где витрины говорят сухим языком фактов, а время движется слишком медленно. Но уже через несколько минут стало ясно: здесь не про даты и подписи. Здесь не нужно было бежать — здесь хотелось замедлиться.

С первых залов я почувствовала странное, почти физическое присутствие Урала. Не как географического объекта или региона на карте, а как живого свидетеля миллионов лет. Камни, минералы, окаменелости — всё это не выглядело мёртвым или отстранённым. Напротив, каждый экспонат казался носителем памяти, в которой нет слов, но есть вес, цвет и форма. Я ловила себя на мысли, что смотрю на камень и думаю не о его химическом составе, а о том, сколько эпох он пережил, прежде чем оказаться под музейным стеклом.

Особенно меня поразили минералы. Они не выглядели «музейно» — напротив, казалось, что каждый из них только что был извлечён из глубины земли. Холодный блеск, сложные узоры, цвета, которые невозможно воспроизвести искусственно. Я долго стояла у витрин, ощущая странное спокойствие: в мире, где всё меняется слишком быстро, эти кристаллы оставались собой на протяжении миллионов лет, смотрела на них и думала о том, сколько процессов, давления, времени понадобилось, чтобы появился этот кристалл, — и как мало мы обычно задумываемся о цене красоты, подаренной природой.

Не менее сильным было ощущение в залах, посвящённых древним животным и природным ландшафтам Урала. Скелеты, реконструкции, следы доисторической жизни напоминали: человек здесь — лишь краткий эпизод. Мне стало немного не по себе, но в то же время появилось чувство уважения к этому месту и к природе в целом. Урал предстал не только как суровый край, но как сложная, многослойная система, в которой всё взаимосвязано — от микроскопических организмов до горных хребтов. До нас здесь уже кипела жизнь, менялись формы, исчезали виды, возникали новые. И Урал был свидетелем всего этого. В этот момент исчезает привычное ощущение контроля над миром, и на его место приходит уважение.

Я заметила, что музей не давит обилием информации. Он не требует запомнить даты или термины, а скорее предлагает слушать и наблюдать. Это пространство для вдумчивого диалога — не с экскурсоводом, а с самой природой. Здесь легко почувствовать себя не исследователем, а гостем, которому позволили заглянуть в чужую, очень древнюю историю. Он словно предлагал остановиться и вспомнить: мы — часть природы, а не её хозяева. Мы живём на земле, которая гораздо старше наших городов, проблем и амбиций.

Выходя из музея, я поймала себя на том, что смотрю на город иначе. Каменные здания, тротуары, даже пыль под ногами — всё это вдруг стало частью большого природного процесса, а не просто фоном повседневности. Музей природы Урала не только рассказал мне о прошлом, но и незаметно изменил взгляд на настоящее. И, пожалуй, это самое ценное, что может дать такое место.

Акулова Анна, 19 лет.
Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург









№ 4
30 апреля 2026 г.
ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

МУЗЕЙ – ЭТО ЛАРЕЦ С ЭМОЦИЯМИ





Недавно я решила провести день с пользой и погрузиться в творчество с головой, отправившись в Екатеринбургский музей изобразительных искусств. Я редко бываю в таких местах, но, когда хочется найти вдохновение, иногда прихожу посмотреть работы мастеров, восхититься их талантом и задуматься над тем, какая все-таки кропотливая работа — творчество. В подобных места я чувствую себя ребенком, открывающим мир.

Сначала меня встретила привычная музейная тишина, в которой каждый шаг словно вел в портал в другой мир. Мир творчества и искусства. Свет от витрин казался свечением богатств из сундука сокровищ, как в сказках. А воздух был наполнен чем-то едва уловимым — смесью уважения к истории и легкой торжественности. В первом зале меня привлекли небольшие, но очень красивые скульптуры из металла.

Одна из них — бронзовая фигурка дикого кабана. Мне нравятся животные, они кажутся невинными и нежными созданиями. Даже самые большие, вроде медведя или кабана — беззащитные по сравнению с нами, людьми. Скульптура кабанчика лежала на боку, будто застыла в моменте, когда охотничий выстрел уже поразил зверя, и осталось только неподвижное маленькое тельце. Подобные композиции часто берут за душу, так как животные — это для меня про беззащитность и страх перед величием человека. А то, как автор работает над фактурой шерсти и линиями корпуса создаёт ощущение, что перед тобой не создание скульптора, а настоящий маленький кабанчик, которому ты не смог ничем помочь. Скульптору удалось поймать ту самую грань между натурализмом и художественным обобщением, и я невольно задержалась возле витрины дольше, чем планировала.

Переходя от одного постамента к другому, я всё яснее понимала, насколько выразительными могут быть небольшие фигурки. Мой взгляд остановился на другой бронзовой скульптуре — статном олене с ветвистыми рогами, который выглядел как само величие. Он стоял на тонкой «подошве» скального основания, подняв голову и будто прислушиваясь к чему-то невидимому. Эта поза — величественная и внимательная. Она отражает стремление животного заметить неладное и защитить весь лес от опасности, предупредить всех. В этой скульптуре была не только красота, но и внутренняя строгость и гармония, будто отражение самой природы Урала — мощной, холодной, но не агрессивной, а спокойной и величественной!

После зала бронзовых скульптур я оказалась у витрины, где находился небольшой декоративный объект — фигурка птицы, выполненная из камня и металла. Она стояла на гладком возвышении и выглядела почти живой: гладкая поверхность тела отражала свет, а ноги, тонкие и тщательно проработанные, придавали образу хрупкость и грацию. Эта птица символизировала саму нежность. Меня особенно позабавила её «несерьезность» — после монументальных фигур с серьёзным посылом, эта маленькая птица выглядела как аккуратная детская мечта. Такая же невинная, добрая, мягкая и яркая. Творец этой птички явно подходил к задаче с нежностью и любовью к мелочам. В ней было меньше скрытых смыслов и мотивов, но больше тепла и надежды на добро.

Я подумала, что именно сочетание разных жанров делает музейное пространство таким насыщенным. Переплетение сюжетов и смыслов создет особую атмосферу удивительного рассказа, где есть драма со счастливым концом. Когда ходишь между витринами, постоянно меняется настроение и поток мыслей: такой контраст заставляет внимательнее прислушиваться к собственным эмоциям и понимать их важность.

Выходя из зала, я ещё раз оглянулась на сияние витрин. В отражениях стекла смешивались экспонаты, свет и моё собственное движение — и это стало неожиданно символичным моментом. Тогда пришла мысль, что музей — не просто место хранения произведений искусства, но и хранилище эмоций и чувств людей, что оставили частичку себя, побывав здесь.

Елизавета Иванова, 19 лет.
Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург





ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета
№ 4
30 апреля 2026 г.

ДОМ СО 185-ЛЕТНЕЙ ДУШОЙ

В марте 2026 года я пришла в Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» на выставку «По документам — Дом Демидова». Экспозиция, построенная на подлинных архивных материалах, открыла мне знакомую фамилию с новой стороны: Демидовы предстали не только промышленниками, но и собирателями, меценатами, людьми, для которых память о прошлом была так же важна, как и выплавка металла. Стоя у витрин с пожелтевшими письмами и чертежами, я вдруг поймала себя на мысли: хочется рассказать не просто об одной выставке, а о том, как создавался этот музей, кто стоял у его истоков и как музей, переживая взлёты и падения, сумел остаться живым вот уже 185 лет.

Основателем музея стал Павел Николаевич Демидов — один из ярчайших представителей знаменитого рода. Его портрет кисти П.П.Веденицкого сегодня украшает один из выставочных залов. Павел Николаевич был не просто заводовладельцем, он — человек с государственным мышлением. Именно он распорядился создать в нашем городе Музеум истории и древностей. Предвестником этого события стала выставка на Выйском медеплавильном заводе, открывшаяся 28 мая 1837 года к приезду будущего императора Александра II. А уже в 1841 году музей распахнул двери для всех желающих.

Далее в 1891 году по распоряжению правления Нижнетагильских заводов был учреждён Горнозаводской музеум Нижнетагильских и Луньевских заводов. Главным отличием его от предшественника являлось то, что музей стал публичным. Его задача теперь заключалась в техническом просвещении заводских служащих. Но в 1908 году музей законсервировали: экономический кризис не оставил средств на его содержание. Шестнадцать долгих лет экспонаты ждали своего часа. И вот — 1924 год. За возрождение музея, уже в статусе Краеведческого, взялось тагильское общество изучения местного края (ТОИМК). Во главе его стоял человек, казалось бы, далёкий от истории, — врач Василий Алексеевич Ляпустин. Он сумел объединить неравнодушных людей, тех, кто готов был вкладывать душу в общее дело и доводить его до конца. Общими усилиями 30 марта 1924 года краеведческий музей открылся вновь. Первым директором стал преподаватель горно-металлургического техникума, выпускник Санкт-Петербургского университета А.Н.Словцов. В коллекциях музея тогда насчитывалось 1173 экспоната.

Грянула Великая Отечественная война. Музей не закрылся. Сотрудники помогали раненым в госпиталях, собирали посылки на фронт, но главное — они продолжали своё дело. В годы войны создавались передвижные выставки, закладывались традиции научно-исследовательской работы. К 1945 году число экспонатов достигло шести тысяч. Послевоенный период стал временем подъёма. Фонд рос, и к концу семидесятых годов в нём хранилось уже более 250 тысяч музейных предметов. В 1987 году учреждение получило новое имя — Государственный музей-заповедник горнозаводского дела Среднего Урала. А в 1989 году случилось событие, сделавшее его уникальным: в состав музея вошёл металлургический завод. Так появился первый и единственный в России Музей-завод истории развития техники чёрной металлургии.

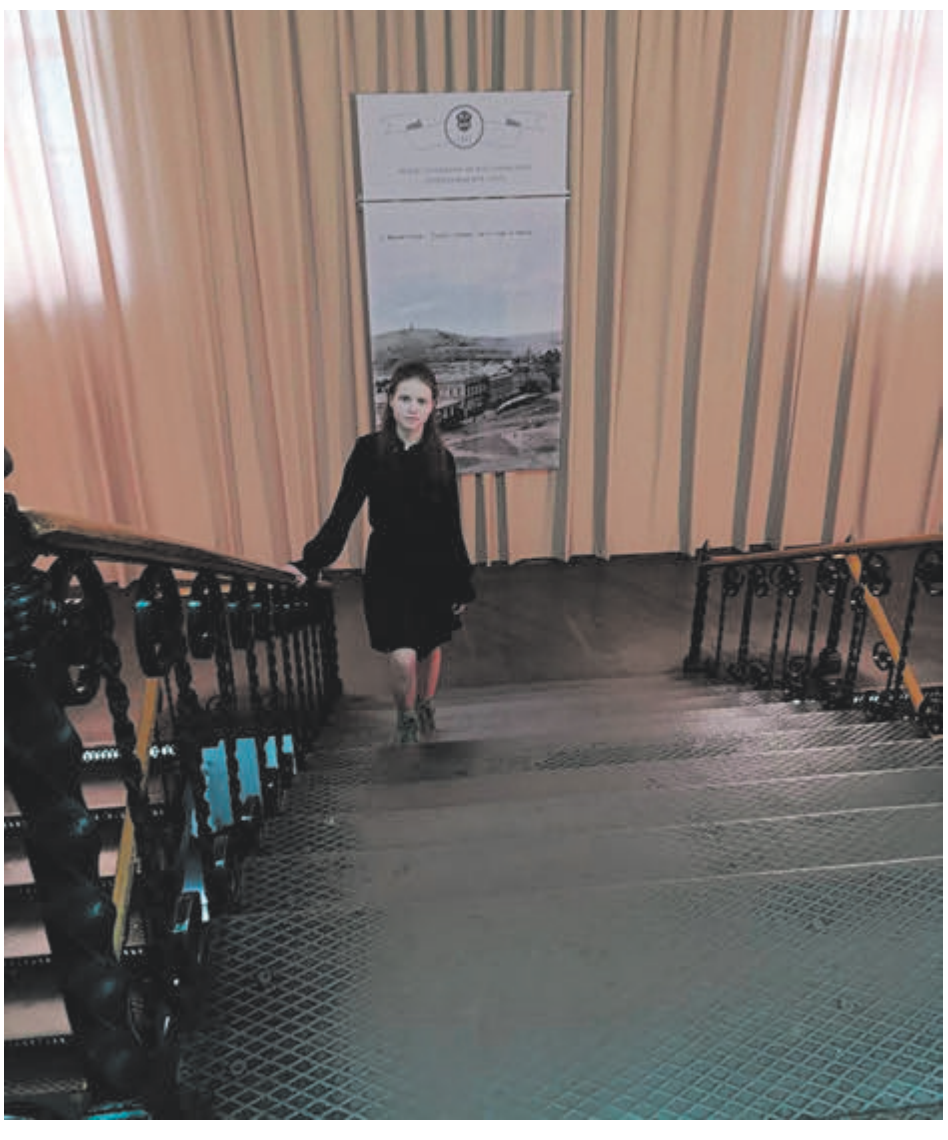
Сегодня Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал» — одно из крупнейших объединений Урала. Однако, несмотря на это, музей продолжает расширяться. В последние два десятилетия в его состав вошли: Историко-технический музей «Дом Черепановых», Музей природы и охраны окружающей среды, «Демидовская дача», Наблюдательная башня на Лисьей горе.

Оглядываясь на эти даты и судьбы, я всё отчётливее понимаю: музей — это не просто здание с экспонатами. Это живая нить, которую тянут через время неравнодушные люди. Кто-то начинает дело, кто-то возрождает его после долгого забвения, кто-то сохраняет в самые страшные годы, кто-то развивает сегодня. И теперь мы, посетители, входя в эти залы, прикасаемся к наследию, которое создавалось два столетия. За каждой витриной — чей-то труд, чья-то вера в то, что память важнее всего.

Приходить сюда можно по-разному: в составе группы с экскурсоводом или одному, неторопливо, чтобы в тишине залов почувствовать дыхание времени. Но главное — не забывать: мы здесь не случайные гости. Мы — продолжение этой истории. И от нас зависит, сохранится ли она для тех, кто придёт следом.

Емельянова Елизавета, 16 лет.
Городской дворец
детского и юношеского творчества,
г. Нижний Тагил







№ 4
30 апреля 2026 г.
ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

ДЕЛО О ДОМЕ С ДВУМЯ ИМЕНАМИ

В Нижнем Тагиле на улице Красногвардейской, 5 а, есть музей, который на картах значится как «Демидовская дача». С виду — образцовый памятник усадебной архитектуры первой половины XIX века: изящные резные наличники, неоготическая башенка, ухоженная набережная Тагильского пруда. Но за этим фасадом благополучия таится глубокий исторический конфликт, который краеведы называют не иначе как «исторической подменой». Мне захотелось разобраться в этом запутанном деле и найти ответ на непростой вопрос: чьё имя вправе носить этот дом и почему тот, кто его построил, умер в нищете и безвестности?

На фасаде — свежая мемориальная табличка. Она же — первое доказательство исторической подмены. Усадьба создана Швецовым, но называется Демидовской. Как так вышло?

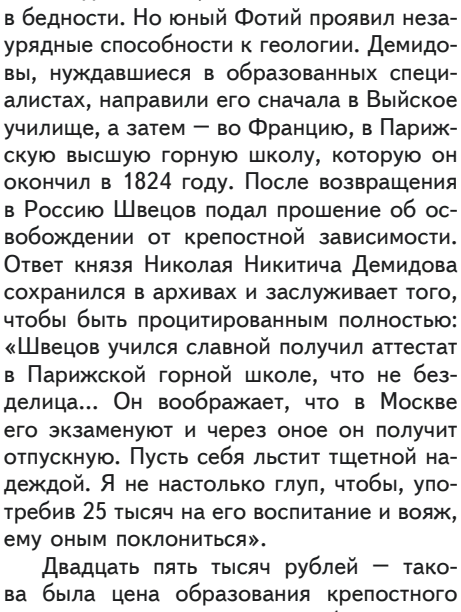
Следствие начинается с изучения документов. Фотий Ильич Швецов родился 28 августа 1805 года в семье крепостного служащего Черноисточинского завода. Его отец за какую-то провинность был отстранён от должности, из-за чего семья жила в бедности. Но юный Фотий проявил незаурядные способности к геологии. Демидовы, нуждавшиеся в образованных специалистах, направили его сначала в Выйское училище, а затем — во Францию, в Парижскую высшую горную школу, которую он окончил в 1824 году. После возвращения в Россию Швецов подал прошение об освобождении от крепостной зависимости. Ответ князя Николая Никитича Демидова сохранился в архивах и заслуживает того, чтобы быть процитированным полностью: «Швецов учился славной получил аттестат в Парижской горной школе, что не безделица... Он воображает, что в Москве его экзаменуют и через оное он получит отпускную. Пусть себя льстит тщетной надеждой. Я не настолько глуп, чтобы, употребив 25 тысяч на его воспитание и вояж, ему оным поклониться».

Двадцать пять тысяч рублей — такова была цена образования крепостного инженера. И Демидов не собирался отпускать свою «инвестицию». Человек с европейским образованием, блестящий химик и металлург, оставался собственностью заводовладельца, вещью, которую можно было использовать, но не отпускать на волю.

Вольную Швецов получил лишь в 1830 году — благодаря личному ходатайству великого немецкого учёного Александра фон Гумбольдта, посетившего Урал в ходе экспедиции и очарованного молодым инженером. Только вмешательство мировой знаменитости заставило Демидовых уступить. Этот факт — портрет Гумбольдта в кабинете Швецова, который сегодня можно увидеть в музее, — становится ключевым доказательством в нашем расследовании: Швецов был не просто техническим исполнителем, а человеком, мыслившим в масштабах мировой науки, но в собственной стране остававшимся бесправным крепостным.



Музей «Демидовская дача»



Ф.И. Швецов

Получив вольную, Швецов не покинул заводы. Напротив, он приступил к работе с удвоенной энергией. В мае 1830 года его назначили управляющим Меднорудянского рудника, который находился в тяжёлом положении: шахты затапливало водой, добыча руды сократилась вдвое. Швецов установил паровые машины для откачки воды, ввёл химический анализ руд и открыл знаменитое месторождение малахита, включая гигантскую глыбу весом 260 тонн.

С 1839 года Швецов — управляющий Нижнетагильскими заводами по технической части, фактически технический директор всего горнозаводского округа. На этой должности он осваивал пудлингование и выплавку литой стали, впервые в России начал утилизировать тепло отходящих газов печей, содействовал Черепановым в создании паровозов и чугунной дороги, разработал метод получения литой стали и провёл успешные опыты по производству рельсов из пудлингового железа.

Именно в этот период на берегу Тагильского пруда развернулась большая стройка. Швецов строил дом для себя — двухэтажную усадьбу с мезонином, флигелями для коллекций минералов, оранжереями, парком, бассейном и даже причалом. Одна из дорожек вела на верфь, где Швецов строил паровые машины и испытывал их на речных судах.

История крепостного Тагила богата именами даровитых умельцев, творцов техники и прогресса. Плотинный мастер и механик Пётр Степанович Макаров, как и Швецов, был учеником крепостного же машиностроителя. Механики Черепановы — тоже крепостные. Ефим и Мирон Черепановы, чьи имена сегодня известны как создателей первого российского паровоза, при жизни оставались крепостными Демидовых. И Швецов, и Макаров, и Черепановы — все они были людьми, чей труд создавал промышленное могущество Урала, но чьи имена история едва не стёрла.

В конце 1840-х годов на службу к Демидовым поступил дворянин А.И.Кожуховский, предложивший программу модернизации заводов, основанную на использовании иностранной техники и специалистов. Эта программа противоречила тому, как вёл дела Швецов, опиравшийся на отечественные кадры и собственные разработки. Отношения между ними испортились.

В ноябре 1847 года Швецов «добровольно» подал заявление об уходе с поста управляющего по технической части. В 1850 году, по формулировке, которая получила название «за политическую неблагонадёжность», Швецов окончательно оставил службу и уехал в Сибирь. Там он попытался поднять заброшенный Каменский завод, открыл в Томске производство паровых машин. Для этого он взял в заводской кассе ссуду — 5 тысяч рублей серебром. Дела не заладились. Каменский завод остался без сырья — рудники истощились. Томское предприятие также не приносило дохода. В 1855 году Швецов решил вернуться в Нижний Тагил, но в дороге заболел пневмонией и умер в возрасте 49 лет в крайней бедности. А его усадьба, построенная им для себя, перешла в собственность Демидовых «в счёт долга» — в счёт 5 тысяч рублей, взятых инженером на коммерческий проект. Стоимость самой усадьбы на тот момент многократно превышала эту сумму, но документальной оценки сделки не сохранилось. С этого момента особняк на берегу пруда стал «Демидовской дачей».

История распорядилась так, что в 1917 году усадьбу занял отряд красногвардейцев-железнодорожников, а после Гражданской войны её передали в ведение железнодорожного ведомства. Здесь размещались комитет комсомола, партком, дом отдыха, техникум, детский сад, спортивная база — каждый новый владелец перестраивал здание по своему усмотрению, и к началу 2000-х годов оно находилось в плачевном состоянии. Деревянные конструкции второго этажа полностью сгнили. Вокруг бывшей усадьбы, по свидетельству местных жителей, жгли костры, скапливался хлам. Это место было «стыдно показывать гостям».

Но в истории этой усадьбы наступил перелом. В 2008 году здание передали на баланс города, а в 2012 году было принято решение о реставрации. Весной 2013 года начались восстановительные работы, и уже в сентябре того же года обновлённая «Демидовская дача» открылась как музей. На первом этаже был воссоздан кабинет горного инженера середины XIX века — с портретом Гумбольдта, чертежами и книгами, которые могли принадлежать Швецову. На втором этаже разместился «Демидовский зал» с экспозицией о династии заводовладельцев.

24 октября 2025 года на фасаде «Демидовской дачи» открыли мемориальную доску, посвящённую 220-летию Фотия Ильича Швецова. Текст доски, утверждённый постановлением администрации города, гласит: «Эта усадьба была создана по заказу Фотия Ильича Швецова (1805—1855), талантливого инженера, учёного, управляющего нижнетагильскими заводами по технической части». Художник, работавший над доской, изобразил момент обнаружения той самой малахитовой глыбы, которая прославила Тагил на весь мир.

Итак, расследование завершено. Юридически усадьба по-прежнему называется «Демидовской дачей». Это название фигурирует во всех официальных документах, на вывеске музея, на ярких страницах буклетов. Но каждый, кто узнал эту историю, запомнит: это дом Фотия Швецова!

Я вышла из музея и долго стояла на набережной. Смотрела на дом, который построил Фотий Швецов, и думала о людях, которые сегодня работают на заводах и предприятиях. О тех, кто стоит у станков, кто проектирует новые машины, кто знает химию и металлургию. О тех, кто составляет костяк любой промышленности — любой, в любую эпоху.

В XIX веке это были крепостные инженеры и механики — Швецов, Макаров, Черепановы. В XX веке — технические специалисты, пережившие репрессии и нестабильность. Сегодня — рабочие и инженеры, чей труд остаётся в тени громких имён и корпоративных отчётов. Они двигают процесс. Они создают реальные ценности. Они — та самая глыба малахита, которая лежит в основании любой промышленной империи.

Ромашова Анна, 18 лет.
Нижнетагильский государственный профессиональный колледж имени Никиты Акинфиевича Демидова,
г. Нижний Тагил

ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета
№ 4
30 апреля 2026 г.

ОТСВЕТЫ. ВИКТОР КАЛИНИН



12 февраля 2026 г. я посетил выставку «Отсветы. Виктор Калинин», посвящённую творчеству Виктора Григорьевича Калинина — одного из ведущих художников России. Виктор Григорьевич, как я узнал из аннотации, принадлежит к поколению художников-семидесятников, чьё творчество формировалось в эпоху «застоя», но вопреки официальным догматам искало собственные пути выразительности. Это художник-философ, мастер тонких колористических решений, и я, признаться, ожидал увидеть нечто медитативное, погружающее в мир образов и рефлексии. Однако реальность, как это часто бывает, внесла свои коррективы, и выставка обернулась сложным, неоднозначным и во многом провокационным опытом.

Уже с первых шагов по залу, а выставка располагалась в одном единственном зале, меня охватило чувство внутреннего разлада. К сожалению, собственные художественно-изобразительные предпочтения не дают всецело и уж тем более объективно оценить его творческие достижения. Я сторонник гармонии и ясности в композиции, на том самом «божественном даре» искусства, который мы находим у Репина, Левитана или Серова. И здесь, в пространстве современной живописи, я чувствовал себя чужаком. В данном ключе хочется вспомнить слова Никиты Сергеевича Хрущёва, которые он многократно произносил на выставке авангардистов. Его слова, лично для меня, актуальности не потеряли. Та знаменитая фраза про «мазню» и то, что так может нарисовать и ребёнок, — она, конечно, груба и политизирована, но в ней есть зерно боли обывателя, столкнувшегося с разрывом привычной ткани искусства. Осматривая его картины, «изучая» их визуально, пытаясь отрефлексировать увиденное, всё время вспоминались слова Хрущёва. И понимание, что картины действительно Художников (художников с большой буквы) XIX в. навсегда остались в прошлом.

Я бродил от полотна к полотну, останавливаясь, вглядываясь, пытаясь уловить логику мазка, настроение, мысль. Но передо мной разворачивался мир, говоривший на языке, которого я не понимал. Экспрессивные, диссонирующие цвета, формы, ускользающие от конкретики, — все это напоминало скорее следы некоего стихийного бедствия, чем результат вдумчивого творчества. В такие минуты я особенно остро ощущал ту пропасть, которая пролегла между искусством прошлого, понятным сердцу, и искусством настоящего, точнее, постмодернистскому симулякру, а не чему-то прекрасному.



Кульминацией этого ощущения стала работа с обманчиво простым названием: Калинин В.Г. «Упавшее дерево», 1998 г.; холст, темпера. Но где там упавшее дерево? Лишь набор несвязных цветов и маслянистых клякс. Образ, что более подходит глазам маргинала, находящимся в «весёлом» состоянии. Я стоял перед этой картиной, наверное, минут пять, пытаясь найти хоть какую-то опору для своего восприятия. Где здесь дерево? Где его ствол, ветви, листва? Ничего этого не было. Было хаотичное нагромождение цветовых пятен, какие-то подтеки, фактурные наплывы, которые, возможно, должны были символизировать энергию распада или крушения. Но для меня это оставалось просто визуальным шумом. Я поймал себя на мысли, что испытываю тоску по тем временам, когда художник умел и любил изображать мир, а зритель мог наслаждаться этим мастерством, хоть эта эпоха столь далека от меня.

Однако выставка была бы слишком мрачным испытанием, если бы она состояла только из таких работ. Лучше выглядят картины Калинина, которые посвящены религиозным темам. Да, и тут его художественный стиль в моём понимании далёк от идеала так же, как и наша планета от центра Вселенной. Но даже так они выглядят лучше, на несколько порядков лучше прочих его картин! Возможно, возымело мировоззрение автора — Калинин по убеждению православный старообрядец. В этих картинах чувствовалось, что художник перестает играть в загадки и говорит о самом сокровенном.

Прекрасна его картина «Благовещение», написанная в период с 2015 г. по 2024 г. Воистину прекрасная работа в духовном, этическом смысле, полная символизма. Почти десятилетие работы над одним полотном — это само по себе говорит о его значимости для автора. По крайней мере, я стараюсь в это верить. В центре композиции — фигуры Архангела Гавриила и Девы Марии. Они не прописаны академически точно, но в них угадывается движение, диалог, таинство. Колорит картины сдержан, даже суров: глубокие тёмные цвета, игра на контрасте красного у Гавриила и синего у Марии и в самом центре — всполохи света, словно само Божественное присутствие пробивается сквозь материю. Архангел не парит в воздухе, а как бы вырастает из этого сумрака, неся весть. Мария склонена в смиренном принятии. Здесь каждый мазок, каждая цветовая клякса (та самая, что раздражала в «Упавшем дереве») работает на создание образа внутреннего света, тишины и благоговения. Символизм здесь не в деталях, а в самом цветовом и фактурном строе: грубая, почти аскетичная поверхность холста напоминает древнюю фреску или икону, тронутую временем, но от этого ставшую лишь пронзительнее.

Стоя перед «Благовещением», я вдруг понял, что язык Калинина не самодостаточен. Это язык-инструмент, и когда инструменту есть что выражать, кроме самого себя, рождается чудо. Вера художника, его принадлежность к старообрядческой традиции, с ее строгостью, глубиной и приверженностью древним канонам, наполнила его живописную манеру тем самым содержанием, которого мне так не хватало в прочих его картинах.

Покидая выставку, я чувствовал себя опустошенным, но при этом наполненным. Двойственность впечатлений не отпускала. С одной стороны, я так и не смог принять эстетику Калинина в её «чистом», внерелигиозном виде. Она осталась для меня чужой, холодной и даже раздражающей. Цитата Хрущёва, с которой я вошел в зал, так и осталась со мной до конца, как верный, хотя и незваный спутник. С другой стороны, я увидел, как та же самая эстетика, будучи одухотворенной высокой идеей, может преображаться и говорить на языке, трогающем душу. «Благовещение» стало для меня тем самым исключением, которое не просто подтверждает правило, а заставляет это правило пересмотреть.

Шлейнинг Роман, 21 год.
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, г. Нижний Тагил

ВРЕМЯ
Информационно-просветительская газета

ТАЙНА, ПОКРЫТАЯ ЛАКОМ





В современном мире молодёжь часто не заинтересована в том, чтобы стать продолжателями дела своей семьи, профессии, которая иногда крепкими узами связывает многие поколения. С одной стороны, замечательно то, что человек, живущий в двадцать первом веке, имеет широкие возможности для самореализации, в том числе и в профессиональной сфере. Однако в таком огромном многообразии специальностей, многие из которых быстро устаревают, очень легко потерять себя. Печально, что большая часть школьников — учеников выпускных классов не имеют понимания, с каким ремеслом они хотели бы связать свою дальнейшую жизнь. А, возможно, и не всю жизнь? Сейчас есть все условия для смены сферы своей деятельности и в зрелые годы. Для этого существуют различные курсы, программы переподготовок. Возможно, именно поэтому отношение к будущему все чаще перестаёт быть делом первостепенной важности: профессию, в случае чего, можно легко сменить когда-то потом, через энное количество лет. Вот только не для всех профессий возможен такой путь, многие специальности требуют длительного обучения, мастерства и преданности своему делу.

Одним из таких, казалось бы, незамысловатых, но крайне интересных и ценных, требующих знаний разного вида тонкостей занятий является подносный промысел. Мне повезло, ведь я родилась и большую часть своей жизни провела в одном из интереснейших своей историей уральских городов — в Нижнем Тагиле. Это место известно многим: столица Демидовых, один из крупнейших промышленных центров Урала, танкоград. Но не только этим славится моя малая родина, но и знаменитой Тагильской росписью.

История этого промысла напрямую связана с фамилией Худояровых, которую, наверняка, хоть раз слышал каждый житель нашего города. Основателем династии тагильских мастеров — создателей удивительной искусности подносов был Андрей Степанович (1722—1804). Некоторые из потомков родоначальника династии по подобию отца посвятили свою жизнь семейному делу и обрели в этом свою силу и успех. На сегодняшний день музей истории подносного промысла «Дом Худояровых» в городе Нижнем Тагиле бережно хранит историю этого ремесла. Посетив его, можно познакомиться с тонкостями создания знаменитых уральских подносов, узнать, как возникла и существовала (и существует до сих пор!) тагильская «школа», а также познакомиться с интереснейшим прошлым семьи Худояровых.

Одной из отличительных особенностей работы уральских мастеров стал обросший легендами, историей и славой так называемый хрустальный лак, технология изготовления которого до сих пор остаётся тайной. Исключительность этого материала для покрытия подносов заключалась в его стойкости перед внешним воздействием, и, главное, такой стандарт качества достигался без потери эстетических свойств изделия! Рассматривая их, можно подумать, что рисунок словно «вшит» в зеркало подноса! Удивительная прочность и высокое качество работы позволяло использовать подносы в быту без страха за сохранность росписи.

Еще одной особенностью тагильского подноса, по которой его можно отличить от всех других, стал особый цветок — «тагильская роза». Этого растения не существовало в действительности, но его прототипом, по одной из версий, стал широко известный в наших широтах цветок шиповника. Мастерство и искусность уральских умельцев оценили и представители рода Демидовых, которые не единожды становились заказчиками работы у семейства Худояровых.

Так во второй половине XVIII века при строительстве дома Демидовых в Москве на Вознесенской улице Никита Акинфиевич приглашает именно тагильских мастеров для создания декоративной отделки. Работа очень понравилась заводчику, да настолько, что он даже велел назначить Вавиле и Фёдору Худояровым, которых и считают создателями хрустального лака, дополнительную награду за их добросовестный труд: «...Вылакированные художниками Худояровыми кабинетные дощечки выработаны весьма хорошо, то в знак моего благоволения и любви к художеству, а им к дальнейшему поощрению в достижении сего искусства, при сем из милости моей посылаю им, Вавиле и Федору Худояровым, на кафтаны сукна, по кушаку, шапке, которые по получении, объявя мою милость, им и отдать. А отца их старика Андрея Худоярова от заводских работ увольняю, которых на него и не накладывать, чем же они за сию милость мою отзовутся, ко мне рапортовать».

Слава о тагильских мастерах быстро распространилась. Многим хотелось выведать секрет создания чудесного лака. История об этом легла в основу произведения П.П.Бажова «Хрустальный лак». Автор ярко иллюстрирует бесполезность попыток выведать секрет уральских мастеров, обличая такие человеческие пороки, как жадность, трусливость и лицемерие, и подчёркивая при этом находчивость, остроту ума и верность своему делу мастеров подносного промысла.

Подносное дело, как и многие другие ремёсла в то время, часто было наследственным. Это давало возможность сохранить семейную традицию, а также передать уникальный опыт, тонкости дела. Большую роль в становлении тагильского подносного промысла сыграла именно преданность Худояровых семейной традиции. Это позволяло использовать тайную для остальных технику, особое лаковое покрытие, а также открывало возможность для покровительства со стороны известных меценатов, например, Демидовых.

Семейные традиции и сегодня являются предметом гордости. И для кого-то это станет ориентиром в выборе своей профессии.

Юлия Андреенкова, 20 лет.
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, г. Нижний Тагил



18+
ВРЕМЯ. Информационно-просветительская газета. № 4 (апрель 2026). Выходит 1 раз в месяц.
Учредитель: СДК «Банк культурной информации». Главный редактор: Т.Е.Богина.
Адрес редакции и издателя: 620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51.
E-mail: ukbkin@gmail.com Тираж 5000 экз. Распространяется бесплатно.
Зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Уральскому федеральному округу ПИ № ТУ66-01274 от 30 января 2014 года.
Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт». 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж.
Печать офсетная. Подписано в печать 29.04.2026 по графику: 17-00, по факту: 17-00.